
Алиса Бернер
Когда зацветёт железо
18+

Алиса Вернер

«Когда зацветёт железо»

«Автор»
2026

Вернер А.

«Когда зацветёт железо» / А. Вернер — «Автор», 2026

В этом городе цветы никогда не увядают. Потому что они сделаны из железа.Настоящие деревья давно исчезли. Птицы больше не поют. А механические сады дарят людям тепло, свет и иллюзию живого мира.Эва Рен привыкла считать природу безвозвратно потерянной. Пока однажды внутри железного цветка не обнаруживает невозможное — живой росток.Теперь за её открытием охотится могущественная Гильдия, готовая на всё, чтобы правда осталась погребённой.Единственный, кто может помочь Эве, — Терен Вейл, гениальный инженер, создавший механические сады. Человек, которого она должна ненавидеть. Ведь именно его изобретение стало причиной гибели природы.Но чем ближе они подбираются к разгадке, тем опаснее становится их союз. И тем труднее отрицать чувства, которым не место среди предательства и разрушения.Чтобы вернуть миру жизнь, им придётся рискнуть всем.Даже друг другом.**Ведь иногда самое невозможное чудо — не заставить железо цвести, а научить сердце любить снова.**

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зелёное среди шестерён 6
Глава 2. Человек, который придумал сад 8
Глава 3. Девятый нижний 11
Глава 4. Водосброс 13
Глава 5. Запись для тех, кто придёт после 15
Глава 6. Девять минут 17
Глава 7. Не обещай мне чудес 19
Глава 8. Сад под городом 21
Глава 9. Соляной дождь 24
Глава 10. Одиннадцать свидетелей 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

«Когда зацветёт железо»

Часть первая. Железные сады

Глава 1. Зелёное среди шестерён

В Мерлене весна начиналась по расписанию.

В шесть утра на башне Гильдии садов ударял медный колокол, и тысячи железных бутонов раскрывались разом. На проспекте Металлистов цвели хризантемы из тонкой латуни. Возле больницы вращались серебряные чашечки — их придумали специально для детей, чтобы те не боялись идти к врачам. На площади Независимости стояла яблоня высотой с трёхэтажный дом: стальной ствол, ветви из полых трубок, белые фарфоровые цветы. Ветер проходил сквозь неё и играл мелодию, которую никто уже не называл песней.

Эва Рен не любила эту мелодию. В ней всегда недоставало одного звука — шелеста.

Она шла по пустому восточному рынку, прижимая к груди плоский кожаный футляр. Ночью мастер с третьей линии прислал сообщение: «В ремонтной оранжерее что-то выросло. Не механизм. Приезжайте до смены». Обычно подобные сообщения означали плесень на трубах или крашеные перья, которые приносили дети. Но мастер никогда не писал «что-то» там, где мог назвать предмет.

Перед входом в оранжерею её встретил сторож. Старик держал фонарь так, что дрожащий свет бегал по его пальцам.

— Я ничего не трогал, госпожа Рен. И детям не показывал.

— Правильно сделали. Откройте.

Внутри пахло маслом, медной стружкой и горячим металлом. Под стеклянной крышей лежали разобранные ветви, цветочные чашечки и сердца насосов. Двести лет назад слово «оранжерея» означало место для растений; теперь оно обозначало склад запчастей, и никого это не удивляло.

Сторож подвёл Эву к старому железному ирису. У него заклинило один лепесток, и его оставили в углу до списания. Между шестой и седьмой зубчатой пластиной торчало нечто тонкое, изогнутое, зеленоватое.

Эва опустилась на колени. Она не сразу коснулась ростка. Сперва увидела крошечный прозрачный волосок на стебле. Потом — неровную жилку посередине листа. Машинные сады умели повторять что угодно: цвет, форму, капли росы. Но не эту беспорядочную точность. Ни один мастер не стал бы делать лист таким несовершенным.

Она распахнула футляр, вынула лупу, тонкий пинцет и полоску сухой бумаги. Поднесла свет ближе. На нижней стороне листа выступила влага.

— Что это? — спросил сторож.

— Живое.

Слово прозвучало нелепо. Сторож нервно засмеялся, затем понял, что она не шутит.

— Здесь ничего не растёт. Почвы нет.

— Знаю.

Эва осторожно подняла крышку основания. Внутри ириса проходили провода, трубка для теплообмена и медный диск, на котором должны были сходиться четыре шестерни. В щели под диском лежала горстка чёрной пыли. Из неё и выходил корешок — белый, мягкий, упрямо обходивший металл.

Её отец когда-то показывал ей иллюстрацию корней в старом справочнике. Рисунок был плоским и почти смешным, как карта чужого континента. Теперь этот континент оказался у неё на ладони.

Эва удерживала крышку двумя пальцами и пыталась не дышать слишком близко к ростку. Сторож, которого звали Освин, поставил фонарь на пол. У него дрожала рука, и это раздражало её сильнее, чем следовало: дрожащий свет мешал считать тончайшие жилки.

— Вы уверены, что это не опасно? — спросил он. — Мой внук с астмой. Если здесь споры или яд…

— Нет, — ответила Эва и осеклась. Она ещё не проверила споры. — Не знаю. Я возьму пробу воздуха и воды. Пока не разрешайте никому входить без маски.

Освин не обиделся на её поправку. Он молча достал из кармана рабочий журнал. На полях, рядом с номером списанного ириса, стояли три аккуратные пометки: «не сбрасывать воду», «низкий нагрев», «проверить после рассвета».

— Кто это написал?

— Мастер Лодан. У него сегодня последняя смена. Ему велели сдать мастерскую и уехать из города. Сказали, что возраст, хотя он моложе меня.

Эва провела ногтем по бумаге. Исправленная дата увольнения была проставлена только вчера. Кто-то знал о необычном ирисе ещё до ночного сообщения и спешил убрать человека, заметившего перемену.

— Где Лодан?

— У сестры. Если хотите, я передам ему, чтобы не показывался на площади.

— Передайте другое: пусть ничего не уничтожает. Ни записи, ни грязные перчатки, ни ключи. Всё, что кажется мусором, может оказаться доказательством.

Она услышала собственный голос, резкий, деловой. Так говорил отец, когда спорил с чиновниками. Эва любила его за решимость, но вдруг испугалась, что тоже умеет ставить открытие выше человека. Она закрыла футляр с инструментами, достала вторую маску и протянула Освину.

— И вам тоже. Обещайте, что сегодня не останетесь один.

Он натянул маску, неуклюже затянув завязки за ушами.

— Вы можете спасти эту штуку?

Эва посмотрела на лист, который вырос вопреки всем предписаниям.

— Я могу сначала не дать нам её убить. Это пока всё.

— Никому не говорите, — произнесла Эва.

Снаружи хлопнула дверь.

В оранжерею вошли двое в серых плащах с эмблемой Гильдии. За ними — женщина с переносным опечатанным контейнером. Она оглядела помещение и остановилась на коленопреклонённой Эве.

— По протоколу все аномальные образцы принадлежат Гильдии, — сказала женщина. — Уберите руки от установки.

Эва успела заметить на внутренней стороне диска почти стёртую надпись. Не номер детали. Два слова, выбитых вручную: «ОБРАТНЫЙ ХОД».

Она закрыла крышку прежде, чем женщина подошла ближе.

— Это предмет моего муниципального исследования, — сказала Эва, поднимаясь. — У вас есть приказ об изъятии?

— У меня есть контейнер.

— Значит, приказ вы забыли.

Женщина не улыбнулась. Один из людей в плащах шагнул к двери, перекрыв выход.

Эва вдруг поняла, почему мастер написал ей ночью, а не вызвал обычную ремонтную бригаду. Он видел людей с серой эмблемой раньше неё.

— Тогда вам придётся позвать инженера Вейла, — сказала она. — Именно его подпись стоит на техническом паспорте ириса.

И впервые за всё утро в глазах представительницы Гильдии появился страх.

Глава 2. Человек, который придумал сад

Терен Вейл опоздал на сорок три минуты. Эва считала их по щелчкам потолочного хронометра — сперва из раздражения, потом потому, что трое представителей Гильдии не отходили от ириса, как люди, охраняющие взрывчатку.

Когда дверь наконец открылась, в помещение вошёл высокий мужчина в тёмном пальто без знаков отличия. Его волосы были растрёпаны, на манжете чернела смазка. Он выглядел человеком, которого выдернули из незавершённой работы, и не пытался этого скрыть.

— Кто распорядился остановить ремонтную линию? — спросил он.

— Я, — ответила Эва.

— Тогда вы обязаны понимать, сколько стоит один час простоя.

— Меньше, чем уничтожение первого живого растения за семьдесят лет.

Терен замер. Только тогда он посмотрел на ирис.

Женщина из Гильдии заговорила быстро, ссылаясь на загрязнение и обязательную стерилизацию. Он поднял руку, не поворачивая головы.

— Пять минут. Без свидетелей.

— Господин Вейл, протокол…

— Я написал этот протокол. В нём сказано, что до установления происхождения материала стерилизация запрещена. Можете перечитать пункт девятнадцать.

Когда дверь закрылась, Эва выложила на стол свои записи. Она ожидала недоверия, высокомерия, всего, что обычно исходило от людей, строивших железный мир. Но Терен поставил рядом с листом стакан воды и осмотрел сосуд так осторожно, словно тот мог разбиться от взгляда.

— У вас есть микроскоп? — спросил он.

— Есть глаза.

— Пойдём по порядку. Сколько клеточных слоёв?

— Три различимых в полевой лупе. Устьица открываются при свете. Корень реагирует на влагу. Если это подделка, её изготовил человек, который понимает растения лучше нас обоих.

Он снял перчатку и поднёс палец к зелёному листу, но не прикоснулся.

— Я видел живую траву однажды, — сказал он. — На южной станции. Её держали под семью стёклами. Она погибла через двенадцать дней.

Эва хотела ответить резко. Вместо этого заметила у него на пальце свежий ожог.

— Вы проверяли печь? — спросила она.

— Турбинный узел.

— Без защитной рукавицы?

— Вы всегда задаёте вопросы, не относящиеся к делу?

— Только когда собеседник сам становится доказательством плохой техники безопасности.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

На подоконнике стояла чугунная кружка, из которой кто-то давно не пил. Терен придвинул её, чтобы не задеть зелёный кончик рукавом, и достал тонкую пластину для снятия проб. Эва заметила, что он не зовёт помощников. В городе, где любая техническая ошибка превращалась в приказ и взыскание, главный инженер вдруг предпочёл работать собственными руками.

— Вы боитесь, что Гильдия узнает? — спросила она.

— Она уже знает. Я боюсь, что к вечеру у нас останется только её версия находки.

Он открыл переносной регистратор, набрал служебный код и показал ей пустую строку акта. Система предлагала один из трёх вариантов: «загрязнение», «дефект оформления», «биологическая угроза». Пункта «живое растение» не существовало.

— Так добавьте его, — сказала Эва.

— Тогда акт не примет архив.

— Значит, мы отправим второй экземпляр в городской университет. И третий — мне.

— Вы думаете, бумага защитит от служебного уничтожения?

— Думаю, один лист можно сжечь. Три, хранящиеся у людей, которые друг другу не подчиняются, — труднее.

Терен впервые посмотрел на неё не как на раздражающего эксперта, а как на человека, чью мысль стоило довести до конца. Он отключил регистратор от сети и достал чернильную ручку.

— Тогда пишите. Диктуйте так, как наблюдали. Ни одного слова, которого не можете подтвердить.

Они составили четыре страницы. Эва дважды заставила его вычеркнуть «растение неизвестного вида» и заменить на «образец с признаками живых тканей». Терен однажды остановил её: она назвала воду чистой, не измерив состав. Когда закончили, оказалось, что они впервые за утро не спорят о власти.

— Вы всегда так упрямы? — спросил он, подписывая акт.

— Только когда мне предлагают поверить на слово.

Он отдал ей копию, ещё влажную от чернил.

— Хорошо. Не верьте. Даже мне.

Они вскрыли основание ириса. Терен взглянул на выбитые слова и отшатнулся так, что ударился локтем о верстак.

— «Обратный ход», — прочитала Эва. — Что это значит?

— Старое обозначение режима, который не вошёл в серийное производство.

— Почему?

— Потому что система работала нестабильно.

Она ждала продолжения, но он закрыл крышку.

— Кто вам рассказал о ростке?

— Сторож. А ему — мастер.

— Их нужно вывести отсюда.

— Вы хотите спрятать находку?

— Я хочу, чтобы эти двое дожили до вечера.

На мгновение шум оранжереи стал отчётливей: капля ударила о жестяной таз, за стеной запустился насос. Эва наблюдала за человеком, которого город называл спасителем. Десять лет назад он связал отдельные тепловые сады общей системой. Зимой перестали замерзать трубы; в бедных кварталах появились тёплые площади. А через пять лет по всему Мерлену исчезли последние пятна мягкой земли. Её отец связывал одно событие с другим и писал об этом, пока у него не отобрали лабораторию.

— Мой отец был Йоран Рен, — сказала она.

Терен медленно поднял глаза.

— Я знаю.

— Его доклад об истощении почвы вы назвали ненаучным.

— Тогда у меня не было данных, которые есть сейчас.

— А у него были. Только никто не захотел слушать.

Он не стал спорить. От этого стало ещё злее.

За дверью снова послышались шаги.

— Если мы ничего не сделаем, они сожгут растение, — сказала Эва.

Терен достал из внутреннего кармана металлический жетон и положил рядом с её блокнотом.

— В полдень на нижней насосной станции смена. Вход с канала, третья дверь. Покажите жетон смотрителю.

— Почему я должна вам верить?

— Не должны. Принесите свои приборы и проверьте всё сами. Там вы найдёте ответ, почему ваш отец оказался прав.

Он повернулся к двери, но Эва остановила его:

— А росток?

— Останется здесь под моей личной печатью. И если до полудня его коснутся, я отключу от Гильдии всю ремонтную сеть.

— Вы можете?

— Это ещё одна вещь, о которой я слишком долго позволял всем забывать.

Глава 3. Девятый нижний

Нижняя насосная станция обслуживала Девятый квартал — самый старый район Мерлена. Здесь железные сады не цвели по утрам: они только грели каменные колодцы и сушили воздух в узких переулках. Маленькие дети знали названия металлических цветов, но ни разу не трогали влажную землю.

Эва пришла раньше полудня. У входа в канал стояла девушка лет семнадцати и продавала бумажных птиц. У одной птицы было зелёное крыло.

— Почему зелёное? — спросила Эва, покупая игрушку.

— Мама говорит, раньше это был цвет лета.

— А сейчас?

— Сейчас это цвет дорогой краски.

Девушка ответила серьёзно, без жалобы. Эве стало стыдно за собственное удивление.

Смотритель пустил её внутрь, увидев жетон. За решётчатыми полами поднимался тёплый пар. На стенах светились датчики; несколько стрелок дрожали у красной отметки. Эва переписала показания, затем заметила странность: содержание солей в воде росло каждый раз, когда над ними усиливалось отопление. Земля у корней механических деревьев должна была оставаться нейтральной. По нормативам так и было — на бумаге.

Терен ждал у отключённого распределителя с двумя кружками дешёвого кофе.

— Я думал, вы не придёте, — признался он.

— Я тоже.

Он отдал ей одну кружку и не стал спрашивать, почему она всё-таки здесь.

Они спустились ниже, туда, где прежние керамические трубы были соединены с новыми медными магистралями. На полу лежала белая крошка. Эва растёрла её между пальцами.

— Соль. Она здесь не снаружи. Её приносит система.

— Да.

— Давно знаете?

— Семь месяцев точно. До этого показатели терялись в погрешностях. Я отправил три отчёта совету Гильдии. В ответ мне сократили доступ к архиву измерений.

— А людям в Девятом квартале вы сказали?

Терен посмотрел на стрелки.

— Нет.

В проходе у распределителя появилась женщина с шерстяным платком на голове. Она принесла смотрителю две металлические фляги и остановилась, заметив незнакомых людей. Бран представил её как Руту, больничного диспетчера. На рукаве у неё темнело пятно от мазута.

— Если это проверка, — сказала она, — запишите, что вчера у нас в родильном блоке на двадцать минут упала температура. Не на бумаге. На самом деле. Троих младенцев согревали бутылками с водой.

Терен раскрыл журнал дежурств.

— Аварии в сводке не было.

— Потому что я вписала её в местный журнал, а начальник смены велел переписать. Сказал, центральная сеть не ошибается. Хотите, покажу страницу, которую он пытался вырвать?

Эва заметила, как изменилось лицо Терена: не на испуганное, а на обиженное. Словно неисправная система могла предать лично его. Потом он посмотрел на Руту.

— Покажите обе страницы. И время, когда вы включили резервный котёл.

— Вот так, — резко сказала Эва, когда женщина ушла за документами. — Вы слышите угрозу только тогда, когда она касается вашего изобретения?

— Нет. Я пытаюсь понять, какие решения ещё могу изменить.

— Решения принимались семь месяцев назад. А дети замерзали вчера.

Терен молчал. Сверху раздался стук чугунных колёс, и по трубам пробежала вибрация. Эва вдруг увидела, что на его столе лежат не только безупречные чертежи. Там были бумажные карточки с именами погибших в прошлые зимы. Он не выкинул их. И всё-таки сумел скрыть новые цифры.

— Я не прошу вас быть безошибочным, — сказала она тише. — Я хочу понять, в какой момент вы решили, что имеете право выбирать, кто будет знать об опасности.

Терен закрыл журнал.

— В тот момент, когда мне поверили слишком многие. Это не оправдание. Это ответ.

Она отступила на шаг. Не потому, что испугалась, а чтобы не сказать того, чего не сможет взять назад.

— Вам нужно было выбрать между репутацией и чужой землёй, — сказала наконец Эва. — И вы выбрали репутацию.

— Я выбирал между немедленным отключением и зимой без отопления. Мне казалось, что смогу исправить систему раньше, чем придётся объявлять об опасности.

— Но не исправили.

— Нет.

Он произнёс это без оправдания. Эва ненавидела себя за то, что услышала в его ответе не самодовольство, а усталость.

Из темноты донёсся стук. Смотритель привёл их к старому контрольному колодцу. В кладке между камнями виднелась тонкая трещина, а в ней — тёмные ниточки.

Эва присела, посветила лупой. Нити оказались грибницей, на которой сидели крошечные белые шарики. Они вели к железному корню распределителя. Рядом проросло нечто похожее на прозрачную иглу.

— Растительный мир не исчез весь, — прошептала она. — Он прячется в соединениях, где химия меняется. Как будто ждёт.

— Чего?

Она взглянула на машинный корень. — Чтобы мы перестали его травить.

Терен снял тонкую медную пластину с корпуса. Под ней обнаружился ряд отверстий, не соединённых с действующей магистралью.

— Такого канала нет на моих чертежах, — сказал он.

— Вы же её создали.

— Я создал сеть. Но не первые сады. Они гораздо старше меня.

Проведя ногтем по металлу, он выявил клеймо старой мастерской — окружность с тремя точками и словом «Возврат».

Именно тогда над их головами прогремел удар, за ним второй. Смотритель кинулся к лестнице и остановился.

Из верхнего коридора тянуло едким дымом. Кто-то жёг ремонтные кассеты — одну за другой, чтобы огонь опустился в нижний колодец.

— Все наружные двери блокированы, — крикнул смотритель. — По приказу Гильдии!

Терен выругался. Эва уже вытаскивала платок, чтобы прикрыть рот.

— Есть другой выход? — спросила она.

— Есть старый водосброс, — ответил Терен. — Если я правильно помню, его закрыли до моего рождения.

— Значит, самое время проверить, хорошо ли закрыли.

Глава 4. Водосброс

Дым двигался вниз неторопливо, как хозяин, которому никто не посмеет отказать в проходе. Терен сорвал аварийный рычаг, и над ними опустилась тяжёлая заслонка. Между её краями сразу просочились тонкие полоски серого.

— Нам хватит минут десять, — сказал он.

— Тогда не расходуйте их на утешения.

Смотритель, Бран, бежал впереди. Он помнил, где должны были находиться старые переходы, но каждый новый поворот встречал их стеной из поздней кирпичной кладки. Под ногами хлюпала вода. Эва держала футляр с приборами высоко, над поясом, хотя пальцы уже замёрзли.

Они нашли железный люк в самом конце туннеля. На нём красовалось предупреждение: «ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО ПРИ СБРОСЕ». Терен вцепился в штурвал. Металл не поддался. Он попробовал ещё раз, потом упёрся обеими ногами в камень.

— Не сломайте себе руку, — сказала Эва.

— Отличный совет для человека, который стоит перед закрытой дверью.

Она осмотрела петли и увидела тонкое кольцо известковых отложений.

— Нагревайте не ось, а левую скобу. Разница расширения освободит защёлку.

— Вы инженер?

— Я ботаник. Иногда это значит понимать, почему вещи не растут там, где должны.

Терен вытащил из сумки переносную горелку. Через минуту защёлка скрипнула. Они повернули штурвал вместе — его руки поверх рукояток, её ладони упирались ниже. Люк отворился рывком, выпустив ледяной поток воздуха.

По ту сторону был пустой водосброс: широкая наклонная труба, уходившая в канал. Первым спустился Бран. Потом Эва. Терен остался последним, чтобы запереть люк перед дымом.

Она услышала за спиной глухой удар и обернулась. Терен присел, держась за повреждённую кисть.

— Идите, — сказал он.

Эва могла уйти. Она видела выход — серый квадрат дневного света далеко внизу. Но, спускаясь обратно по скользкой трубе, поняла простую вещь: мир, который они собирались возвращать, не стоил бы ничего, если ради него было легко бросить человека.

— Встаньте, — сказала она.

— Вы не обязаны…

— Я не спрашивала.

Он позволил ей обвязать кисть ремнём футляра. Их лица на мгновение оказались совсем близко. На ресницах Терена осел пепел. Эва заметила маленькую седую прядь у его виска, хотя ему было всего тридцать пять. Он посмотрел на неё с удивлением человека, который не привык, что к нему возвращаются.

Они выбрались на берег, когда внизу зашумел первый сброс воды. Бран, задыхаясь, опустился на мостовую. Мимо шли прохожие, и никто не остановился: в Девятом квартале дым из технических шахт давно считали обычной частью погоды.

На набережной их поджидала Рута. За её спиной стоял мальчик в серой куртке и держал перевязанный бечёвкой свёрток. Увидев ожог Терена, женщина сперва выругалась, затем заставила его сесть на низкую тумбу и промыла рану чистой водой из своей фляги.

— Хотите героически потерять руку? — спросила она. — Тогда мне придётся объяснять, почему больнице не хватает инженеров, но хватает самоуверенных больных.

— Мне нужно немедленно вернуться на станцию, — сказал Терен.

— Не сейчас. Бран уже вывел смену. Когда вам разрешат вход, проверяйте вместе с ним.

Мальчик протянул Эве свёрток. Внутри оказался мокрый блокнот, страницы которого склеились от грязи.

— Папа велел убрать его, — сказал он. — А потом на складе появился огонь. Я спрятал за трубой, успел.

На развороте кто-то нарисовал старые водосбросы и пометил красными крестами участки, где железная сеть пересекала закрытые почвенные каналы. Эва узнала схему, которой в действующих городских картах не было. На последней странице стояла надпись: «Третий уровень. Вход от Института почв».

— Откуда у вас это? — спросил Терен.

— Папа чинит трубы. Он говорит: если чертёж не совпадает с трубой, верить надо трубе.

Бран подошёл, услышал последние слова и гордо кивнул.

— У нас это семейное правило.

Эва сложила блокнот не сразу. Ей хотелось броситься к институту, но в стороне Рута всё ещё перевязывала ожог, а дети с набережной просили закрыть провалившуюся решётку. Отложить работу было трудно; всё же она помогла поставить ограждение. За этот час никто не нашёл тайного сада, зато никто не упал в открытый водосброс.

— Они хотели уничтожить не нас, — сказал Терен, откашлявшись. — Они жгли старые узлы. Те, где сохранился режим «Возврат».

Эва разжала ладонь. В ней лежала медная пластина, которую он успел передать ей в трубе.

— Вы думаете, росток связан с этим режимом?

— Я думаю, первые сады строились вовсе не ради красивых улиц. Они должны были удержать остатки жизни, пока земля не сможет восстановиться.

Ему хотелось продолжить, но он остановился, увидев, как Эва разглядывает его обожжённую руку.

— Ваш отец пытался доказать это, — добавил Терен. — Я отказался открыть ему архив. Тогда мне казалось, что он хочет уничтожить всю систему.

— Вы ошиблись.

— Да.

На этот раз Эва не почувствовала удовлетворения. Она вспомнила, как отец сидел за кухонным столом и беззвучно чинил старую детскую игрушку, когда ему сообщили о закрытии лаборатории.

— Мне недостаточно того, что вы признаёте ошибку, — сказала она.

— А что будет достаточно?

— Помогите доказать правду так, чтобы её уже нельзя было спрятать.

Терен медленно кивнул. Они стояли среди мокрого камня и ржавых перил, и никакого обещания любви здесь ещё не было. Только решение работать вместе, хотя оба понимали, как дорого оно обойдётся.

Глава 5. Запись для тех, кто придёт после

За каналом находился бывший Институт почв. Его окна заколотили двенадцать лет назад, когда последние государственные ботаники перешли в отделы декоративной инженерии. Эва бывала здесь ребёнком. Отец позволял ей ставить рядом с микроскопом чашку с тёплым молоком и говорил, что наблюдение важнее красивой теории.

Ключ по-прежнему подходил к чёрному служебному замку. Удивительнее было другое: внутри никто не украл столы. Их покрывала пыль, как место, которое люди не решались тревожить.

Терен остановился перед стеной с выцветшими изображениями листьев.

— Я приходил сюда за чертежами после закрытия института, — признался он. — Не знал, что вы здесь выросли.

— Вы много чего не знали.

— Похоже, это стало главным свойством моего образования.

Эва впервые засмеялась при нём — коротко и неожиданно для самой себя.

Они нашли архив в подвале. На полках стояли коробки, расставленные не по датам, а по видам почвы: песок, суглинок, известняк, речной ил. Папки с фамилией Йорана Рена отсутствовали. Зато в последнем шкафу лежал фолиант с потрескавшейся зелёной обложкой. Его первая страница была подписана тремя основателями железных садов. Ни один из них не принадлежал Гильдии.

Перед старым шкафом Эва нашла следы ног. Пыль не лежала на полу ровным слоем: от двери к окну тянулась полоса, по которой не так давно двигали тяжёлую коробку. Терен осмотрел петли — их смазали свежим маслом.

— Нас здесь опередили, — сказал он.

— Или кто-то не переставал сюда приходить.

Вернувшись наверх, Эва увидела в кабинете Йорана сохранившиеся на стене отметки собственного роста. На самой высокой черте отец когда-то написал: «Двенадцать. Спорит с каждой книгой». Она провела пальцем по потемневшей штукатурке и неожиданно вспомнила не научные уроки, а вечер, когда отец не пришёл на её школьную выставку. Тогда она разбила подаренный им компас и сказала, что ненавидит его работу. Через неделю он потерял лабораторию, а через год умер.

— Вы его уважали? — спросила Эва, не оборачиваясь.

— Он написал рецензию на мой первый проект. Назвал его красивой системой с опасно короткой памятью. Я тогда решил, что он завидует.

— Он умел быть неприятным. Даже с теми, кого любил.

Терен тихо положил на стол листок, найденный за рамой старой фотографии. В нём перечислялись пробные станции: одна закрыта «после превышения солей», две другие — «до выяснения причин». Внизу стоял росчерк другого специалиста. И дата, на три месяца более поздняя, чем официальный конец исследований.

— Значит, кто-то продолжал измерения после него, — сказала Эва.

— И прятал результаты здесь.

Она сфотографировала бумагу и оставила оригинал между страницами журнала, записав точное место. Прежде ей казалось, что возвращение в кабинет отца должно объяснить прошлое. Теперь стало ясно: прошлое умело задавать новые вопросы.

Терен раскрыл книгу. Там были рисунки не цветов из металла, а металлических капсул, оберегающих семена от ядовитого ветра. Система должна была не заменить растения, а переждать худшее и постепенно вернуть их в землю. Под схемой стояло обозначение «Протокол Возврат».

— Вот что значит обратный ход, — произнесла Эва. — Сады не были задуманы вечными.

Она читала страницу за страницей. В основной режим поступали тепло, вода и минеральные соли. В обратном потоки меняли направление: насадки выводили накопленные вещества наружу, а подземные секции размыкались для живых корней. Самое важное оказалось в примечании, написанном мелким почерком: «Переход осуществлять поэтапно. Резкая остановка системы смертельно опасна для незащищённых районов».

Терен побледнел.

— Я модернизировал сеть так, чтобы все кварталы зависели от единого распределителя. Это сэкономило топливо и спасло город от голода. Но теперь остановить даже одну ветвь без перераспределения давления почти невозможно.

— Значит, нам потребуется не выключать сады, а научить их дышать иначе.

Эва сказала это и поняла, что впервые не обвиняет его, а предлагает решение.

В конце фолианта они обнаружили вложенный конверт. На нём знакомым почерком было выведено: «Эве, если она однажды найдёт зелёное».

Она долго не могла разорвать бумагу. Потом достала единственный лист.

«Если ты читаешь это, значит, земля ещё не сдалась. Не делай из меня героя: я согласился закрыть исследование, когда мне показали прогноз гибели Девятого квартала. Это была трусость, которую я называл осторожностью. Но у первоначальной сети есть запасной контур. Его карту я спрятал там, где никто из инженеров не станет искать, — в каталоге мёртвых видов. Прости, что оставляю тебе не ответ, а работу».

Эва опустилась на пол. Долгое время она думала об отце как о человеке, который не поступился правдой. Письмо не отменяло его любви к ней и не делало слабым его труд. Оно просто возвращало ему человеческую сложность, с которой жить было больнее.

Терен сел рядом, не касаясь её.

— Хотите, я выйду? — тихо спросил он.

— Нет. Просто побудьте здесь. Только не говорите, что всё будет хорошо.

— Я и не знаю, будет ли.

Они сидели молча, пока из верхнего зала доносилось дребезжание старого окна. Потом Эва сложила письмо и поднялась.

— Найдём каталог.

Глава 6. Девять минут

Каталог мёртвых видов оказался не книгой, а шкафом с сотнями выдвижных карточек. Каждая называла растение, которого давно не существовало: полынь речная, полевой колокольчик, тёмная верба. На карточке «ирис болотный» Эва обнаружила нанесённые точками координаты. Все они соединяли старые колодцы Девятого квартала.

— Отец оставил нам маршрут, — сказала она. — Но почему только один район?

— Потому что там сохранился независимый насос, — ответил Терен. — Если перевести его на «Возврат», можно испытать режим, не подвергая опасности остальной город.

Они не успели закончить разговор. На лестнице раздались тяжёлые шаги. В дверях подвала появился Ивор Даль, глава Гильдии. Он был седым человеком с гладкими манерами и взглядом врача, который привык сообщать плохие новости.

— Госпожа Рен. Терен. Вы значительно усложнили мне утро.

За его спиной стояли охранники. Но Ивор велел им ждать наверху.

— Я не пришёл отнимать ваши записи, — произнёс он. — Я пришёл объяснить, что произойдёт, если вы совершите ошибку.

Он положил на стол карту Мерлена. По ней тянулись красные жилы магистралей.

— Центральная сеть удерживает температуру в больницах, сушит воздух в жилых домах, обеспечивает работу фильтров над шахтами. Переключение даже одного района на старый режим создаст обратную тягу. У вас будет девять минут до падения давления. После этого начнут гаснуть печи.

— Девять минут по чьему расчёту? — спросила Эва.

— По моему. Я всё ещё умею считать, хотя вы предпочли считать меня врагом.

— Вы пытались сжечь насосную станцию вместе с людьми.

Лицо Ивора изменилось.

— Я приказал уничтожить устаревшие кассеты после эвакуации персонала. Если исполнители перепутали время, они ответят. Но вам следует понять: некоторые механизмы нельзя возвращать в работу лишь потому, что они кажутся красивой надеждой.

Терен положил на карту обожжённую руку.

— Я могу собрать обходной контур, — сказал он. — Не за девять минут. За три недели.

— Совет не даст вам три недели, если узнает о растении. Они уничтожат образец и закроют программу как угрозу санитарной безопасности.

— Тогда мы обратимся к жителям, — сказала Эва.

Рута, пришедшая за копией больничного журнала, показалась в дверях архива. Ивор Даль позволил ей войти, хотя за лестницей оставались его охранники. Женщина сняла мокрый платок и потребовала показать расчёт для больницы, прежде чем совет решит, что девять минут — безопасное время.

Из-за окна долетел звон городского колокола, отмечавший час смены. Терен провёл ногтем от центрального накопителя до Девятого. Между линиями было пустое пространство, и только старое чернильное пятно обозначало прежнюю насосную.

— Девять минут — это не время без тепла, — сказал он. — Это время, когда автоматика теряет контроль над давлением. Отопительные плиты не успеют остыть все сразу. Но больничная фильтрация остановится первой.

— Тогда не будем обсуждать переход как единственное действие, — сказала Рута, выслушавшая конец разговора. — На больнице есть паровые аккумуляторы. Их не хватит на всю ночь, но на девять минут хватит, если заранее перестать тратить запас на сушилки.

Ивор откинулся на спинку кресла.

— Вы предлагаете отключить санитарную сушку в больнице ради опыта с растением?

— Я предлагаю рассчитать варианты, — сказала Рута. — И выдать мне реальный журнал нагрузок. Если цифры плохие, я сама скажу «нет». Но вы уже два раза сказали «нет», даже не открыв шкаф.

Терен нарисовал рядом с линией маленький квадрат накопителя. Затем ещё один — у школы. Он посмотрел на Эву.

— Видите? Мы всё время мысленно держим город одной машиной. А люди уже знают, как поддерживать его частями.

— Потому что, когда ваша машина не справляется, именно они остаются в холодных комнатах.

Ему было нечего возразить. Вместо оправдания он попросил Руту встретиться утром с Браном и проверить запас резервных котлов. Она согласилась лишь после того, как он написал фамилии ответственных на копии плана. Впервые девять минут стали не страшным числом в чужом докладе, а задачей, разделённой между конкретными людьми.

— К тем самым жителям, у которых завтра может не быть тепла? — Ивор посмотрел ей в глаза. — Вам придётся рассказать им всё: сколько стоит ошибка, сколько людей окажутся под ударом. Не только о красивом зелёном листе.

Эва почувствовала желание скрыть опасные цифры, как когда-то скрыли их от её отца. Именно это желание испугало её сильнее угроз.

— Расскажем, — сказала она. — И дадим выбрать не между смертью и послушанием, а между несколькими честно рассчитанными путями.

Даль долго молчал. Затем забрал карту, но оставил на столе ключ от центрального распределителя.

— В полдень завтра состоится заседание совета. Я не стану мешать вам выступить. До тех пор ключ у вас. После — приму любое решение, которое сочту необходимым для защиты города.

Когда он ушёл, Терен взял ключ, но не обрадовался.

— Он не верит, что мы успеем, — сказал он.

— А вы?

— Я верю, что мы можем успеть, если перестанем работать вдвоём.

Эва посмотрела на сотни карточек. Каждая хранила имя исчезнувшего вида. Теперь ей предстояло найти имена людей, готовых помочь.

Глава 7. Не обещай мне чудес

К вечеру в бывшем Институте почв собралось одиннадцать человек. Бран привёл слесарей с Девятого. Девушка с зелёной бумажной птицей привела мать — диспетчера больничных котлов. Пришла преподавательница гидравлики, уволенная за споры с Гильдией, и два студента, умеющих читать старые схемы. Каждый принёс не веру в чудо, а что-нибудь полезное: инструменты, записи, доступ к вентиляционным шахтам.

Терен разложил на столе чертёж обходного контура. Эва прикрепила рядом лист с измерениями солей. Они честно показали худшие сценарии и не обещали быстрых результатов. Вопросов оказалось больше, чем ответов.

— Вы хотите, чтобы мои дети замёрзли, пока у вас распустится травинка? — спросила больничный диспетчер.

— Нет, — сказала Эва. — Я хочу, чтобы ваши дети не прожили всю жизнь в городе, где землю можно увидеть только на картинке. Но мы не будем рисковать больницей. Вы поможете нам построить систему, которая оставит ей тепло?

Женщина долго смотрела на схему. Потом взяла карандаш и зачеркнула одно соединение.

— Так нельзя. Здесь обратный клапан. Если поставить второй, давление удержится дольше.

Терен наклонился к чертежу.

— Верно, — сказал он. — Я не видел этого.

Эва заметила, что люди впервые перестали смотреть на инженера как на недосягаемого создателя. Теперь он был одним из тех, кто мог ошибаться и слушать.

До ухода Эва обошла столы, на которых участники оставили записи. Под одним чертежом лежал детский рисунок, нарисованный Анни: коричневый прямоугольник дома, над ним железные лепестки и зелёная полоса, похожая на лужайку. Рядом девочка написала: «Здесь мама сможет отдыхать».

Эва догнала Руту у лестницы.

— Почему ваша дочь принесла это мне?

— Потому что она видела, как вы смотрели на бумажную птицу. Решила, что вы знаете, какого цвета должно быть лето.

— Я видела настоящие листья только на старых картинах, — призналась Эва. — И сегодня утром впервые в жизни коснулась одного.

Рута остановилась.

— Вы-то хоть понимаете, каково это — всю жизнь бояться, что всё тепло отключат? Я не против вашего открытия. Просто каждый раз, когда люди с верхних улиц говорят о переменах, начинать приходится нам.

— Я живу над каналом, — ответила Эва, удивившись собственной обиде.

— Но у вас есть выбор уйти. У моих соседей нет. Не забывайте об этом, когда начнёте выступать в совете.

Эва не нашла ответных слов. Она вернулась к столу и вписала в начало будущего доклада имена районов, где нельзя проводить испытания без согласия жителей. Терен заглянул через её плечо.

— Вы меняете порядок презентации?

— Я меняю того, кому она адресована.

Он ничего не сказал. Но когда спустя час люди разошлись, на первой странице его расчётов появилась новая таблица: «Кто может отказаться от испытания и почему». Эва увидела её случайно и не стала хвалить автора. Ей нравилось, что на этот раз он не ждал похвалы.

Они работали до поздней ночи. Когда остальные разошлись, Эва обнаружила Терена у окна: он попытался застегнуть ремень часов повреждённой рукой и никак не мог попасть штырьком в отверстие.

— Дайте, — сказала она.

Он протянул запястье. Кожа была горячей от воспаления.

— Вам нужен врач.

— И ещё три дня без остановок.

— Это не одно и то же.

Эва застегнула ремень. Его ладонь коснулась её пальцев, и оба замолчали на секунду дольше необходимого. За окном опускался железный сад: лепестки закрывались, шестерни шуршали по осям. В городе начиналась механическая ночь.

— Когда умер мой отец, — произнесла Эва, — я обещала себе никогда не работать с теми, кто его не услышал.

— Я бы понял, если бы вы сдержали обещание.

— Я ещё не решила, что его нарушила.

Он кивнул. Не приблизился, не попытался превратить её усталость в разрешение. От этого ей захотелось остаться рядом сильнее.

— Почему вы построили сады? — спросила она.

Терен посмотрел в темноту.

— Мой младший брат родился в ту зиму, когда замёрзли восточные котельные. Он умер от воспаления лёгких. Мне было шестнадцать. Я решил, что никто больше не должен погибать из-за неисправной трубы. Сначала я научился чинить трубы. Потом сделал систему, которую нельзя было остановить одним отказом. Теперь вижу, что у любой непрерывной системы есть другая сторона: её трудно изменить, даже когда она ошибается.

Эва не знала, что ответить. Она положила рядом с ним бумажную птицу с зелёным крылом.

— Мне не нужен ещё один спаситель города, — сказала она. — Мне нужен человек, который останется, когда всё пойдёт не по чертежу.

— Я останусь.

Это не звучало как клятва. Скорее как обещание, которое ему самому предстояло доказать.

Снизу донёсся звон разбитого стекла. В следующее мгновение погас свет.

Глава 8. Сад под городом

Они не бросились к лестнице. Терен сперва перекрыл питание архивного шкафа, а Эва убрала единственный живой лист в защищённую коробку. Лишь затем они выбежали в коридор. Внизу догорала проводка; кто-то разбил окна и забросил внутрь дымовые шашки. Людей там уже не было.

— Они знали, что мы собираем схемы, — сказала Эва.

— И не хотели, чтобы мы выступили завтра.

Через задний выход они ушли к старым колодцам Девятого квартала. Подсказка отца вела к чугунной двери с изображением болотного ириса. За ней начиналась лестница, уходившая на три уровня ниже городской канализации. В воздухе пахло влажным камнем. Эва остановилась: к этому запаху примешивалось нечто иное, горьковатое и глубокое, как воздух после сильного дождя.

Нижние улицы опустели. После недавнего поджога люди начали раньше закрывать ставни; даже механические сады, обычно загоравшиеся в одно время, в некоторых дворах оставались тёмными. Бран проводил их до перекрёстка и остался проверять обходной канал, пообещав прийти вслед, если сигнал промывки появится на старой станции. Эва видела, как он поправляет мокрый воротник, и впервые подумала, что у этого человека существует жизнь за пределами их срочных просьб.

Они шли вдоль каменной стены, сверяя точки из отцовского каталога со старой картой. В одном месте координаты указывали прямо под пустую площадь. Терен постучал по плитам рукоятью ключа. Звук оказался глухим: внизу лежало помещение, о котором новые планы умалчивали. Эва достала лупу и увидела под железной решёткой следы древней глины. Её отец всегда говорил, что земля сохраняет память о человеческих решениях, даже если таблички и планы заменены.

Когда они добрались до двери с изображением ириса, на замке не было пыли. Кто-то пользовался входом совсем недавно. Терен заметил то же самое. Они обменялись взглядами и решили не рисковать: сначала проверили воздух, потом оставили на верхнем уровне металлическую метку для Брана. Только после этого начали спускаться. Тайна, которую они надеялись найти, была уже не просто забытым хранилищем. Кто-то знал о нём и хотел остаться единственным, кто владеет ключом.

— Почва, — сказала она. — Настоящая почва.

Терен осветил стены. По камням тянулись тонкие корни, обнимавшие заклёпки. Чем ниже они спускались, тем больше становилось живых нитей. Внизу лежало огромное помещение, похожее на подземный собор. Вдоль колонн стояли металлические капсулы, а между ними мягко светились резервуары питательной воды. Из некоторых капсул выходили стебли. Не один, не десять — сотни.

Часть капсул лежала в тени и казалась пустой. Но Эва с осторожностью приподняла одно стекло и увидела внутри сложенные влажные листья. Другое хранило семена, похожие на маленькие камешки. На третьем красовалась старинная табличка: «Не вскрывать без стабилизации влажности». Ей пришлось удержать себя от желания немедленно посмотреть всё. Растения пережили десятилетия не благодаря чьей-то смелости, а благодаря строгому режиму ухода.

Терен нашёл панель контроля и включил отдельный свет. Между колоннами проходили каналы с очищенной водой, над ними висели тонкие трубы для подогрева. Старые инженеры предусмотрели даже ручной ввод на случай аварии центральной сети. Современная система заглушила часть каналов. Но внизу всё ещё работали тихие устройства, которых никто официально не обслуживал.

— Как они выжили без людей? — спросил Терен.

Эва осмотрела уровень воды, поверхность мха и конденсат на стекле.

— Не все выжили. Посмотри на пустые капсулы. Но здесь создался устойчивый режим. Вода возвращается, тепло идёт от глубинных линий. Возможно, в старом саду ещё оставались люди, которые тайно его поддерживали.

Она вспомнила чистый замок на двери и поняла, что от этого вопроса нельзя уйти. Кто-то приходил сюда, но не рассказал городу. Был ли это защитник хранилища или человек, который ждал удобного момента для уничтожения?

У дальней колонны Эва обнаружила маленький деревянный стул. На сиденье лежала неистлевшая рабочая рукавица, а под ним — жестяная банка со свежими фитилями. В помещении, закрытом на десятилетия, не могло быть таких вещей. В одном из проходов обнаружились следы недавнего ремонта: новая прокладка на старом вентиле, отполированные до блеска грани ключа.

— Кто-то ухаживает за этим местом, — сказала она.

Терен поднял банку и осмотрел штамп мастерской. Изготовлена три года назад в Девятом квартале. На дне рукой выцарапана буква «М».

— Марта? — предположил он.

Эва сжала губы. Мать работала с каталогами старого института и никогда не рассказывала о подземных хранилищах. Даже если буква не имела к ней отношения, мысль уже проникла внутрь и тревожила сильнее солёных стен.

— Мы не будем обвинять человека по одной царапине, — сказала она. — Сначала узнаем, кто покупал фитили и менял прокладку.

На столе лежал уходовый журнал, но последние страницы были вырваны. Эва провела лупой над корешком и увидела вдавленные следы букв: «Сменить воду до…» Дальше бумага была порвана. Кто-то прятал не существование растений, а инструкции по их спасению.

— Если сад удерживали живым всё это время, зачем скрывать его? — спросил Терен.

— Возможно, потому, что над ним жили люди, для которых любой новый маршрут воды был опасен. А возможно, тот, кто его обслуживал, боялся Гильдии больше смерти растений.

Терен убрал банку в отдельный мешок для доказательств. Они договорились не трогать основные резервуары до проверки, хотя каждый новый лист словно умолял Эву остаться рядом. Впервые она поняла, что забота о природе может начинаться с отказа немедленно взять её в руки.

Они занесли номера первых двадцати капсул в журнал. В каждую свободную клетку Эва вписала вопрос, а не ответ. Терен смотрел на аккуратные буквы и с неожиданным уважением думал, что эта женщина умеет выдерживать незнание лучше большинства знаменитых специалистов, с которыми ему приходилось работать.

Эва присела на влажную землю, не заботясь о платье. Листья касались её ладоней. Одни были острыми, другие круглыми, третьи свернулись в трубочку. Она узнала папоротник по рисункам, увидела тонкую траву и крошечный цветок с четырьмя лепестками. Мир оказался не мёртвым, а отгороженным от собственного будущего.

Терен нашёл табличку на центральном резервуаре. Надпись была сделана теми же буквами, что на ирисе: «ХРАНИЛИЩЕ ВОЗВРАТА. ПЕРВЫЙ ЭТАП — СОХРАНИТЬ. ВТОРОЙ — ОТДАТЬ».

— Это не тайная теплица, — произнёс он. — Это начало всей сети. Сады над нами должны открываться в землю, чтобы выпускать сюда воду и получать живые семена. Я подключил их к магистралям так, что они больше не могли раскрыться.

— А Гильдия знала?

— Кто-то знал достаточно, чтобы запечатать этот вход.

У дальнего резервуара лежала ещё одна папка. В ней находились отчёты о состоянии внешнего воздуха, каждый помеченный датой. Терен быстро пролистал страницы.

— Последние три года содержание ядовитой пыли падает. Не исчезает полностью, но сезонное окно для восстановления существует уже сейчас. Эти данные не попали ни в один публичный отчёт.

Эва прижала ладонь к земле. Она была тёплой, пружинистой. Всё, чему она посвятила жизнь, вдруг перестало быть только доказательством прошлого. Здесь росло возможное будущее — хрупкое, непослушное и совершенно настоящее.

— Мы расскажем городу, — сказала она.

— Расскажем. Только сначала надо защитить это место.

В ответ сверху раздался металлический лязг. По лестнице прошёл гул, будто кто-то поворачивал огромный ключ. Один за другим зажглись красные сигналы на резервуарах. Вода в каналах зашевелилась, потекла вспять.

Терен бросился к контрольной панели и побледнел.

— Они запустили принудительную промывку сети. Из верхних магистралей сюда пойдёт концентрированный раствор солей.

— Когда?

— Уже идёт.

Эва посмотрела на первые капли, падающие с потолка. Рядом с её ладонью раскрывался крошечный белый цветок, ещё не знавший, что у него есть враги.

— Тогда, — сказала она, поднимаясь, — будем спасать сад сейчас.

Глава 9. Соляной дождь

Первую каплю Эва приняла за конденсат. Она упала на белый цветок и оставила на лепестке прозрачную, почти красивую бусину. Потом лепесток свернулся, будто обожжённый. Вторую каплю она поймала в ладонь, и кожа сразу стала липкой. На языке появился привкус металла, хотя Эва не подносила руку ко рту.

— Это не вода, — сказала она.

Терен уже снимал защитную крышку с распределительного щита. По медной шкале быстро ползла красная стрелка. Надпись на панели была выведена старым шрифтом: «Промывка. Не совмещать с открытым биологическим контуром».

— Центральная линия гонит сюда рассол под давлением, — сказал он. — Когда заполнятся нижние лотки, раствор пойдёт по посадочным камерам.

Эва посмотрела на ряды капсул. В них жили десятки видов, которых она знала только по рисункам. Некоторые уже раскрылись и тянулись корнями к влажной земле. Другие ещё спали в плотных скорлупках. Она внезапно разозлилась на собственные руки: две ладони, одна сумка, а спасать нужно целый лес, который ещё даже не успел стать лесом.

— Сколько у нас времени?

— Четыре минуты до полного давления. Может, пять.

Они начали с контейнеров, где хранились сухие семена. Эва открывала кассеты, быстро помечала карандашом номера, Терен стягивал их ремнями. В дальней части хранилища раздался стук — не угроза, а три знакомых удара по железной двери.

Эва знала, что сухие семена переживут перенос лучше всего, но не могла заставить себя смотреть только на них. В дальнем углу хранилища стояла капсула с молодым растением, похожим на прозрачный колокольчик. Йоран много раз искал его по старым рисункам. На табличке значилось «Лунная верба» — вид, который считали исчезнувшим ещё до начала эпохи железных садов. Она приподняла стекло, подставила ладонь под стебель и почувствовала, как лёгкие корни удерживают влажную землю.

— Эва! — крикнул Терен. — Здесь решает масса, не редкость названия. Два контейнера, и мы не успеем вернуться.

Она хотела возразить. Но увидела, что он тоже остановился перед капсулой с молодой вербой: на секунду его лицо стало таким же растерянным, как её собственное. Он не был равнодушен к тому, что оставлял. Просто не мог отменить время.

— Возьмём три самых ценных сухих набора, — сказала она, заставляя себя перейти к расчётам. — И один влажный образец, который можно перенести без потери температурного режима. Остальные запечатаем и попробуем спасти отводом.

— Согласен.

Они разделили работу без новых приказов. Терен подписывал вес и температуру, Эва отмечала состояние семян, Бран проверял, какие короба пройдут через узкий служебный лаз. В таком порядке было что-то неумолимо простое: каждая секунда давала возможность спасти одну вещь и означала, что другая останется.

У дверей Эва остановилась перед лунной вербой ещё раз. Ей захотелось сказать ей что-нибудь обещающее. Вместо этого она проверила замок капсулы и повернула ручку так, чтобы стекло удержалось при ударе воды. Это была единственная помощь, которую могла дать растению сейчас.

— Бран! — крикнул Терен.

— А кто же ещё? — донеслось в ответ. — Вы шли в старый сад и забыли смотрителя, у которого ключи от половины города? У меня фонарь, тачка и очень плохое настроение.

Эва засмеялась от облегчения так резко, что смех превратился в кашель. Бран пролез через боковой служебный лаз: на предыдущем уровне он увидел вспышку сигнала промывки, проследил закрытие шиберов и понял, куда пошёл поток. На его рукаве была свежая полоска крови.

— Где резервный слив? — спросила Эва.

Старик развернул карту, испещрённую пометками за сорок лет работы.

— Есть накопитель под снесёнными солодовнями. Пустой с прошлой зимы. Только задвижка там ручная. И если мой старый счёт верен, затопим три погреба и двор стекольщика.

Бран достал из кармана короткий карандаш и отметил на плане погреб стекольщицы. Её звали Селия; после гибели мужа она хранила там формы для оконных рам, которые делали её рабочее место единственным в квартале. Перенаправив раствор, они уничтожат запас материала, купленный в долг.

— Если промывка пойдёт туда, — сказал Бран, — Селия потеряет мастерскую. Я видел, как она продала обручальное кольцо, чтобы выкупить новые формы.

Эва посмотрела на поднимающуюся белую пену.

— Свяжитесь с ней. Скажите правду, прежде чем мы откроем клапан.

— Времени мало.

— На вопрос хватит.

Переговорник шипел так громко, что Эва едва различала голос Селии. Женщина выслушала их, не перебивая, потом спросила:

— А если не открыть?

— Мы потеряем хранилище семян и рискуем отравить нижнюю магистраль, — ответила Эва. — Мы не знаем всей площади повреждения.

— Тогда откройте. Но запишите в акт, что это было моё решение, а не добрая воля Гильдии. И пусть кто-нибудь поможет мне выбраться из долга.

Когда связь оборвалась, Терен написал её имя на полях аварийного протокола.

— Это теперь наш долг, — сказал он.

Эва взглянула на него.

— Не обещай оплатить всё сам. Нам нужна система, в которой за чужой риск отвечают не подарком инженера, а открытым решением города.

Он не сразу кивнул. Личная щедрость была для него проще, чем публичная ответственность. Но он зачеркнул собственное имя в строке «плательщик» и написал: «Компенсационный фонд — решение совета».

— В погребах люди?

— Никто не живёт, — ответил Бран. — Я проверял после весеннего обвала. Владелица дома держит там печные кирпичи.

— Проверим ещё раз по связи, — сказал Терен.

На стене сохранился сигнальный переговорник, от которого почти отвалился латунный рупор. Бран дважды ударил в трубу. С верхнего уровня пришёл слабый ответ дежурного: погреба закрыты, люди выведены. Эва записала время и имя дежурного на обороте карты. Даже сейчас она не хотела спасать один мир ценой неизвестной жизни другого.

К задвижке добирались по узкой решётке над каналом. Под ногами уже плескалась вода. Терен упёрся плечом в ворот, Бран подложил под зубья лом. Ржавая ось не двигалась. Сверху посыпались белые хлопья, и Эва заметила, как по полу тянется тонкая соляная корка.

— Если нагреть обойму, её заклинит ещё сильнее, — сказала она, изучая соединение. — Нам нужно снять давление с нижнего упора.

Бран быстро выдернул клин, который удерживал противовес. Ворот качнулся на ладонь. Терен подался вперёд, застонал и всё-таки повернул колесо ещё на четверть оборота. Сила

воды ударила по открывшемуся каналу. Поток унёс фонарь; на мгновение все трое остались в темноте и шуме.

— Держитесь за перила! — кричал Бран.

Вода ударила Брана по коленям. Старик потерял равновесие, схватился за решётку, и его ботинок соскользнул с узкой ступени. Эва бросилась на помощь раньше, чем успела подумать. Терен удержал её за ремень сумки, а другой рукой дотянулся до Бранова воротника. На мгновение все трое зависли над бурлящим каналом, соединённые ничем, кроме чужого веса и собственных рук.

— Я ещё не готов уходить на пенсию, — выдохнул Бран, когда его втащили на площадку.

— Тогда перестаньте испытывать воду собственным телом, — сказала Эва с неожиданной злостью.

Старик хотел огрызнуться, но увидел её побелевшее лицо и промолчал. Она впервые так ясно почувствовала, что потерять можно не только редкое растение или давно умершего отца. Можно потерять человека, которого ещё вчера воспринимала как часть городской трубы: надёжного, старого, всегда стоящего на своём месте. Эва помогла Брану снять мокрую рукавицу и проверила, не ушиб ли он запястье.

— Ничего, — отмахнулся тот. — Синяк будет. Только не рассказывайте Яну, что меня вытаскивали из собственной станции. До конца дней припоминать станет.

Эва кивнула. Через несколько часов она всё равно записала инцидент в аварийный журнал. Даже смешное воспоминание должно было превратиться в предупреждение для следующей смены.

Когда аварийные лампы загорелись, красная стрелка ползла назад. Не сразу, слишком медленно, но ползла. Соляной дождь над грядками стал реже. Эва бросилась обратно через мостки и увидела, что часть растений уже погибла: белый цветок почернел, на поверхности почвы проступили блестящие кристаллы. У соседней капсулы тонкий стебель ещё держался.

Она опустилась перед ним, приподняла стеклянный колпак и собрала в пробирку несколько семян. Прежде чем закрыть пробку, задержала пальцы на листе.

— Прости, — тихо сказала она.

Никто не ответил; мир не был обязан прощать человека за то, что тот опоздал.

Наверху, в безопасном коридоре, они пересчитали спасённое. Сухие кассеты уцелели почти полностью. Восемь открытых грядок потеряны, пять получили соляные ожоги. Бран развернул лист и упрямо заставил Эву вписать цифры, когда она хотела оставить строку пустой.

— Если мы завтра станем хвалиться, что ничего не потеряли, — сказал он, — то будем не лучше тех, кто утопил этот сад.

Терен снял перчатку. Под ней кожу разрезало железным заусенцем. Эва протянула бинт, но он взял его не сразу.

— Я мог раньше распознать приказ на панели, — сказал он. — В моей системе есть журнал удалённых команд. Я не проверил его, когда мы вошли.

— Это не делает тебя тем, кто отдал приказ.

— Но делает человеком, который не предусмотрел опасность.

Она перевязала ему ладонь. Между ними не было ни обещания всё исправить, ни облегчения. Только грязная одежда, солёная вода, общий список потерь. И всё же, когда они поднимались по лестнице, Эва впервые шла рядом с ним не потому, что больше некого было позвать, а потому, что хотела знать, что он увидит там, где она сама заметит только пепел.

Глава 10. Одиннадцать свидетелей

С рассветом Эва поняла, что победить приказ нельзя одной правильной формулой. Его можно отменить, приказав по-другому. Можно потерять бумагу, закрыть дверь, объявить свидетеля больным. Но одиннадцать человек, каждый со своими документами и своей памятью, было труднее заставить исчезнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.